

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ,
посвященных 80-летию со дня рождения
Владимира Васильевича Адамова**

М.М. Бенцианов
(г. Екатеринбург)

**КНЯЖЕСКИЕ КОРПОРАЦИИ В СОСТАВЕ
ГОСУДАРЕВА ДВОРА В XV—XVI вв.**

Традиционная структура великокняжеского двора, сложившаяся еще в первой половине XV в., подразделялась на три основные части: княжата, бояре и дети боярские. Особое положение в составе Государева двора на протяжении двух веков занимали княжата, потомки и наследники прежних независимых великих и удельных княжеских династий, оказавшиеся в Москве в результате удачной политики централизации, проводимой московскими князьями. Княжата поступали на московскую службу вместе со своими служилыми людьми, сохраняли свои владельческие, княжеские права и отличались наибольшей родословной замкнутостью. На московской службе княжат ожидала разная судьба. Почти полную самостоятельность в пределах своих бывших княжеств сохраняли немногочисленные служилые князья, количество которых постоянно сокращалось. В меньшей степени сохраняли свои княжеские права родовые корпорации князей Оболенских, Ростовских, Суздальских, Ярославских, Стародубских, Мосальских. Наконец, совсем утратили княжеские права потомки княжеских родов, лишенные собственных родовых корпораций и вынужденные служить вместе с уездными детьми боярскими.

Эти различия были вызваны двойственной политикой московского правительства. С одной стороны, замкнутость и своеволие княжат внушали вполне оправданные опасения. Иван III отобрал княжеские права у великих князей ярославских и выкупил их у князей Ростовских и Оболенских. Василий III, по свидетельству Герберштейна отнял у князей все принадлежавшие им замки и крепости и полностью подчинил их своему контролю. С другой стороны, княжата были тесно связаны с местными служилыми людьми, и великокняжеская

власть нуждалась в их верной службе, особенно на окраинах государства. С этой целью осознанно консервировалось землевладение княжат в их родовых вотчинах. В результате двух этих разнонаправленных тенденций сложилась довольно своеобразная ситуация. Великокняжеская власть вынужденно признавала особые права княжат, используя все сколько-нибудь удобные возможности для их отмены. Служилые князья при первом же случае переводились в разряд княжеских корпораций (князья Мосальские) или могли вообще быть лишены своих княжеских прав (князья Елецкие, Мещерские, Звенигородские, Бабиचेва, Мезецкие, Вяземские). В свою очередь, могли быть распущены и ненужные княжеские родовые корпорации (князья Белозерские). К середине XVI в. из числа княжат выбыли также князья Патрикеевы, Пронские, Холмские, вошедшие в круг старомосковской знати.

Эта двойственная политика отражалась, прежде всего, на положении княжеских корпораций князей Оболенских, Ростовских, Суздальских, Ярославских, Стародубских, к которым позднее добавились князья Мосальские. Все эти княжеские корпорации существовали только благодаря их служебной специализации. Князья Оболенские, владевшие вотчинами неподалеку от приокских рубежей, часто назначались воеводами в Каширу и северские города, постоянно страдавшие от татарских набегов и русско-литовских войн. В 1493 г. среди 8 воевод, шедших “доставати литовские земли”, 7 человек принадлежало к роду князей Оболенских: А.В. Оболенский, А. и И.Н. Оболенские, И.В. Лыко, В.В. Телень, В.В. Каша, Б.М. Турень. Подобным образом расписывается и разряд 1528 г. на Кашире, где воеводами были князь Ф.М. Мстиславский (служилый князь) и 5 человек из рода князей Оболенских: П.И. Репнин, Ф.В. Овчина, В.И. Репнин, В.А. Ноготок, А.П. Лапа Нагово. Наконец, в 1535 г. из приграничного Стародуба в Литву шли одни только князья Оболенские: Ф.В. Овчина, И.Т. Тростенский, В. и Д.И. Курлятевы. Не менее важной была и казанская окраина, где служили князья Ярославские, Ростовские, Стародубские, Суздальские. В 1520 г. в походе на Казань принимали участие почти одни только князья Ярославские: К.С. Сисей, С.Ф. Алабышев, А.П. Великого Шестунов, И. Большой Ушатый, В.В. Чулок Ушатый, А. Сицкий. А в 1529 г. такая же ситуация сложилась и в Нижнем Повгороде. Нижегородскими воеводами были князья Ярославские: С.Ф. Курбский и его “братанич” Ф.М. Курбский, И. Лугвица Прозоровский, Ю. и В.В. Чулок Ушатые, С. Сицкий. Даже наместником в тот год в Нижнем

Новгороде был представитель этого рода князь С.Ф. Алабышев. Подобным образом служили и князья Ростовские, Стародубские, Суздальские, а также княжата из "литвы дворовой", размещенные в восточных уездах страны.

Вероятно, исключение князей Белозерских из числа родовых княжеских корпораций было связано с отсутствием поля деятельности для их службы. Белое Озеро было слишком далеко от казанского рубежа, а сами князья Белозерские ничем не отличались от рядовых служилых людей, чтобы бороться за высокое место в составе Государева двора.

Одновременно, в отличие от служилых князей, княжеские корпорации регулярно посылали своих представителей в Боярскую Думу, что должно было стать наградой за их службу и приблизить их к великокняжескому престолу. В этом московское правительство добилось определенных результатов. К концу правления Василия III в Боярской Думе скопилось достаточное количество титулованных лиц. Еще более их число увеличилось во время малолетства Ивана Грозного. Это оказало заметное влияние на положение княжеских корпораций, отразившись на характере их службы. К середине XVI в. княжеские корпорации теряют свое чисто служебное предназначение и, более того, превращаются в одну из своеобразных иерархических ступеней в составе Государева двора, подчиненную стольникам, стряпчим, жильцам. В княжеские корпорации вносились только те из княжат, кто мог похвалиться успехами на службе или же имел близких родственников в верхушке Государева двора. Остальные начинали свою службу вместе с уездными детьми боярскими, и лишь со временем могли войти в свою родовую княжескую корпорацию. Княжеский титул мог быть отобран в опале и виновные должны были начинать свою службу заново, как это было в случае с князьями Лобановыми-Ростовскими. По своему рангу бояре и окольничьи расценивались намного выше княжат, и после получения думного чина лидеры княжеских корпораций служили уже по отдельным спискам, в которых княжеское происхождение не играло никакой роли. Само лидерство определялось количеством думных лиц в той или иной княжеской фамилии. Постепенно среди княжат сложились "боярские" фамилии, постоянно претендовавшие на места в Боярской Думе. Внутри княжеских корпораций установился строгий принцип очередности на продвижение в Боярскую Думу, с которым должны были считаться как все члены княжеских корпораций, так и сам царь и великий князь Иван IV.

Казалось бы, "княжеская проблема" была навсегда разрешена. Однако новое положение княжеских корпораций вызывало и новые опасения московского правительства. Дело в том, что в своем новом качестве, княжеские корпорации выступали как политические группировки. Особенно ярко это проявилось в годы "боярского правления". Княжеские фамилии, происходившие от общих предков, теснее сплотились друг подле друга и совместно боролись за власть и места в Боярской Думе. Прежде всего, такое поведение было характерно для клана князей Суздальских, естественно поддерживающих группировку князей Шуйских. Дважды князьям Шуйским удавалось побеждать своих политических противников, и каждый раз после этого Боярская Дума пополнялась именами новых Суздальских княжат. Примерно так же пытались действовать и другие княжеские корпорации. Еще более показателен пример княжат Ростовских, относящийся уже к середине XVI в. В 1553 году после неудачного крестоцелования малолетнему царевичу Дмитрию в Литву собирався бежать боярин князь С.В. Владимиров-Ростовский. Вместе с ним собирались совершить побег его родственники, "такие же паломы" князья Лобановы и Приимковы Ростовские, к которым, вероятно, следует добавить также князя А.И. Катырева-Ростовского, т.е. в этом деле участвовали почти все представители ростовской княжеской корпорации, известные по Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради 50-х годов XVI в. Подобная самостоятельность нарушала интересы правительства в лице Ивана Грозного.

Еще в доопричный период Иван IV стремился расколоть княжеские корпорации, нарушая установленный порядок выдвижения в Боярскую Думу. Боярами и окольничими становились представители тех же княжеских родов, которые, однако, весьма невысоко расценивались внутри своих собственных родов, или же вовсе порывали связи с родовыми корпорациями (князья Ю.И. Кашин, Д.С. Шестунов, И.М. Хворостинин). Эти меры были рассчитаны на десятилетия, и неудивительно, что ко времени введения опричнины они еще не приносили своих плодов. В результате была избрана политика террора и консервативных реформ. Физически были уничтожены десятки княжат, особенно те из них, кто имел давние связи с Боярской Думой. Еще больший размах обещали консервативные реформы, среди которых были казанская ссылка 1565 г. и изменение статуса князей Оболенских и Мосальских. Формальной причиной казанской ссылки послужило уничтожение независимости Казанского ханства, что делало излишним существование родовых корпораций князей Ярославских,

Ростовских, Стародубских; Суздальских, защищавших восточные рубежи страны. Иван IV всего лишь перемещал этих княжат на новое место службы с обязанностью охранять завоеванный край и подавлять возможные восстания местных народов. Фактически же, казанская ссылка должна была вернуть все эти княжеские корпорации к выполнению их прежних обязанностей. Не случайно на новых местах княжата получали поместья целыми семьями и фамилиями по родовому принципу. Подобным образом планировалось изменение судьбы князей Оболенских и Мосальских. В завещании Ивана Грозного князья Оболенские и Мосальские перечисляются вместе со служилыми князьями Одоевскими, Воротынскими, Трубецкими с обязательством служить наследнику царевичу Ивану под угрозой потери родовых вотчин в случае отъезда. Таким образом, Иван IV действовал в явном противоречии с прежней политикой московских князей, приближавших княжат к Гоярской Думе и стремившихся лишить княжеские корпорации их исключительности и самостоятельности. Иван IV, скорее, освобождал от княжеских группировок Боярскую Думу.

Впрочем, планам Ивана IV так и не суждено было сбыться. Начавшаяся Ливонская война требовала большого количества опытных воевод, а дело освоения Казанского края оказалось не такой уж сложной задачей. В 1566 г. большинство сосланных в казанские места княжат было возвращено в родовые вотчины, а планы изменения статуса князей Оболенских и Мосальских так и остались нереализованными. После этого Иван IV вернулся к своей доопричной политике решения "княжеского вопроса". После 1566 г. и вплоть до смерти Ивана Грозного в источниках отсутствуют упоминания о княжеских корпорациях. Вероятно, они были полностью распущены. Одновременно Иван IV включал в опричную Боярскую Думу (позднее в Боярскую Думу особого двора) некоторых представителей княжат, что в конце концов подорвало прежнюю цельность княжеских родов. В 70-е г. XVI в. местнические столкновения между княжатами из одних и тех же родов становятся обычным явлением, а после смерти Ивана IV княжата-однородцы нередко поддерживают разные политические группировки в борьбе за власть. При Федоре Ивановиче княжеские корпорации, как одна из иерархических ступеней в составе Государева двора, были восстановлены, но просуществовали весьма недолго. Лишенные политической цельности, они потеряли всякий смысл и навсегда исчезли к концу XVI века.